

В. К. ЧУМАЧЕНКО, К. Э. ТАРАСОВА

«КРЫМСКАЯ ТЕТРАДЬ» В. С. МОВЫ (ЛИМАНСКОГО): ПЕРВОЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В статье дается текстологическая характеристика рукописи поэтических произведений В. С. Мовы (Лиманского), выявленной в 2012 году в частном архиве.

Ключевые слова: В. С. Мова (Лиманский), литературное наследие, текстологический анализ.

Теплым июньским днем, в самом начале лета 1891 года, скоропостижно скончался крупнейший кубанский писатель XIX столетия В. С. Мова (Лиманский). Еще утром он сидел за письменным столом, разбирая служебные бумаги, потом, чтобы уладить вопрос о восстановлении сына Павла, вновь отчисленного за задержку оплаты, побывал в мужской гимназии... К середине дня самочувствие резко ухудшилось – и человека не стало. Врач констатировал смерть от сердечного удара.

Спустя пару часов супруга Надежда Ивановна, урожденная Кокунько, теперь вдова, облаченная во все черное, обнимая детей, ввела их в заставленные свечами и иконами покои, где неподвижно лежал их отец. Дети, мал мала меньше, испуганно жались к родительнице, еще не поняв глубины свершившегося горя. А та плакала безутешно, как никогда в жизни, – о том, для кого была долгие годы поэтической музой, плакала об их нечаянно разоренном гнезде, о детях – плодах их поздней любви и супружества. Кто теперь о них побеспокоится? Даст приличествующее дворянским отпрыскам образование? Заслонит от бед, наконец, наставит на путь в жизни?..

Родной Екатеринодар меньше всего думал о том, что потерял в этот первый июньский день замечательного сына. Местная газета «Кубанские областные ведомости» более чем сухо сообщила: скончался присяжный поверенный В. Мова, ранее порученные ему, но незавершенные дела переходят к другому чиновнику [1]. О том, что кубанская земля лишилась своего крупнейшего поэта, прозаика и драматурга, написал в далекой Гальчине львовский журнал «Зоря» [2], да еще ставропольская газета «Северный Кавказ» [3].

Именно в Гальчине, населенной украинцами и переживавшей бурный рост национального самосознания, культурные деятели первыми обеспокоились о судьбе мовинового литературного наследия. Тот же журнал «Зоря» в заметке, подписанной криптонимом М. К., через полгода сообщал:

«Родственники и приятели покойного уже начали разбирать бумаги, что остались после него. Сих бумаг нашлось очень много, всего до 50 тетрадок, помимо писем, заметок, карточек и т. д. <...> Все рукописи родственники и приятели Мовы разобрали для пересмотра по отделам <...> Пока не закончена разборка рукописей, подаем для интереса список их.

I Стихи. 1) *Пролиски*, виршеванные произведения В. С. Лиманского за 1863–1888 год (8 тетрадей, переписанных, как видно, для подачи в

цензуру); 2) *Извлечения из стихов* В. Лиманского (несколько тетрадей за разные годы, начиная с 1860 г.);

II. Драматические пьесы: 3) *Старое гнездо и молодые птицы*, драматические картины в 5 действиях из черноморской жизни 50-х годов В. Мигучкого; 4) *Тревога*, шутка в одном действии В. Мигученко; 5) *Кулиш, Байда и казаки*, интермедия к драме П. Кулиша «Байда»; 6) *Драма* (без заглавного листа);

III. Рассказы: 7) *Чабаны*; 8) *Шептуха*; 9) *Сякой-такой журавель*; 10) *Сердитый почтарь*; 11) *Из памятной книжки следственного судьи*: Каторжанин; Екатеринщина; Работяга и вор; Горпина Погибиха и Вивдя Тараниха; Городовик; Три бродяжки; 12) *Рисунки с натуры*, заметки следственного судьи.

[IV]. Другие произведения: 13) *Студенты в 1860 году*; 14) *Критические заметки* (несколько тетрадей); 15) *Разговор о давнем украинском житье* (несколько); 16) *Напыщенные и пустопорожные фразы* – документы и заметки, касающиеся 1864 г. в Черномории; 17) *Физиологический вес музыки*; 18) *Украинские орлы 1860 г.* (рассказ на русском языке); 19. *Казачество и земские учреждения*; 20) *Записки и заметки следственного судьи по Черномории*; 21) *Русско-украинский словарь* – большая книжка, куда записаны слова с примерами от А до И» [4].

Скрывавшийся за криптонимом М. К. друг В. Мовы студенческих лет Михайло Комаров отметил, как бережно относился писатель к архиву, как готовил свои рукописи к печати, собственноручно переписывая их набело.

Указал, что меж украинскими произведениями обнаружилось и несколько написанных по-русски. Очевидно, они предназначались для публикации в газетах. Ни одна из рукописей не была подписана собственным именем автора – только псевдонимами. Прежде всего, наиболее употребимым – В. Лиманский, реже – В. Мигучкий и В. Мигученко. Делалось это из конспирации, из опасения жандармских преследований.

В заметке также говорилось, что родственники планируют издать основные рукописи в Екатеринодаре, а часть переправить в Гальчину.

Конечно, из конспиративной игры в псевдонимы ничего не получилось: по свидетельству М. И. Недбаевского, каждый гимназист в городе знал, что «судья» В. С. Мова публикует свои украинские вирши за границей [5]. Вскоре оказалось, что и намерения родственников не так уж прозрачны.

После разбора рукописей брат жены писателя генерал П. И. Кокунько наложил на них строгое табу, считая, что их обнародование не лучшим образом скажется на карьере родственников, в том числе – детей В. С. Мовы. Об отправке материалов в Гальчину речь даже не шла. Но за дело взялись молодые кубанские украинофилы во главе с восходящей звездой украинской поэзии Миколой Вороным – им хотелось наладить плодотворные контакты с львовскими, тифлисскими и одесскими издателями. Они сумели выпросить у наследников часть оригиналов, часть текстов скопировали от руки. Известно, что в 1896 году другой местный украинец Олекса Белобородов подавал в Кавказский цензурный комитет рукопись прозаических произведений В. Мовы, но получил формальный отказ на основании того, что в Грузии не было украиноязычного цензора [6].

Одной из довольно полных копий поэтических текстов обладал И. Я. Франко. Эта копия подробно описана в статье «Из поэтического наследия Василя Мовы (Лиманского)» [7], на ее основе И. Франко подготовил ряд публикаций в «Літературно-науковом вістнике». Тем же списком большей частью пользовался и академик Ю. Шевелев при подготовке мюнхенского издания 1968 года. Вторая копия материалов архива, принадлежавшая И. Белею, легла в основу киевского издания произведений поэта, подготовленного О. Ф. Ставицким в 1990 году [8]. Третья и четвертая копии сборника «Проліски», выполненные кем-то из современников, достались соответственно А. Конисскому [9] и М. Комарову [10]. Собранные В. Мовою материалы о брожении умов в Черномории по поводу переселения в Закубанье, как известно, еще до революции достались историографу П. П. Короленко [11]. В начале 1990-х годов нам удалось выявить в фонде Б. Д. Гринченко (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского) чистовой вариант интермедии «Кулиш, Байда и казаки» и опубликовать его в США [12]. Часть рукописей родственники поэта поделили между наследниками, каждый, как говорится, взял что-то себе «на память». Так, например, достоверно известно, что сыну Павлу достались черновой вариант драмы «Старое гнездо и молодые птицы» [13] и «Русско-украинский словарь» [14]. После его смерти рукопись драмы перешла к сыну Сергею, словарь – к сыну Юрию.

А куда подевалась остальная часть мовинового архива? Как мы уже сказали, после смерти писателя архив взял под свою опеку генерал П. И. Кокунько. Уже находясь в эмиграции он ответил на этот вопрос однозначно: архив В. Мовы оставлен на Кубани и, очевидно, безвозвратно пропал в годы Гражданской войны [15].

Однако часть материалов из этого архива все-таки не погибла. Своего рода сенсацией стало то, что спустя более 120 лет после смерти писателя в небольшом крымском поселке Саки в частном архиве разыскалась наиболее ценная рукопись – автограф! – поэтического цикла «Проліски», охватывающая все стихотворное наследие Мовы. Уникальность найденных текстов заключается в

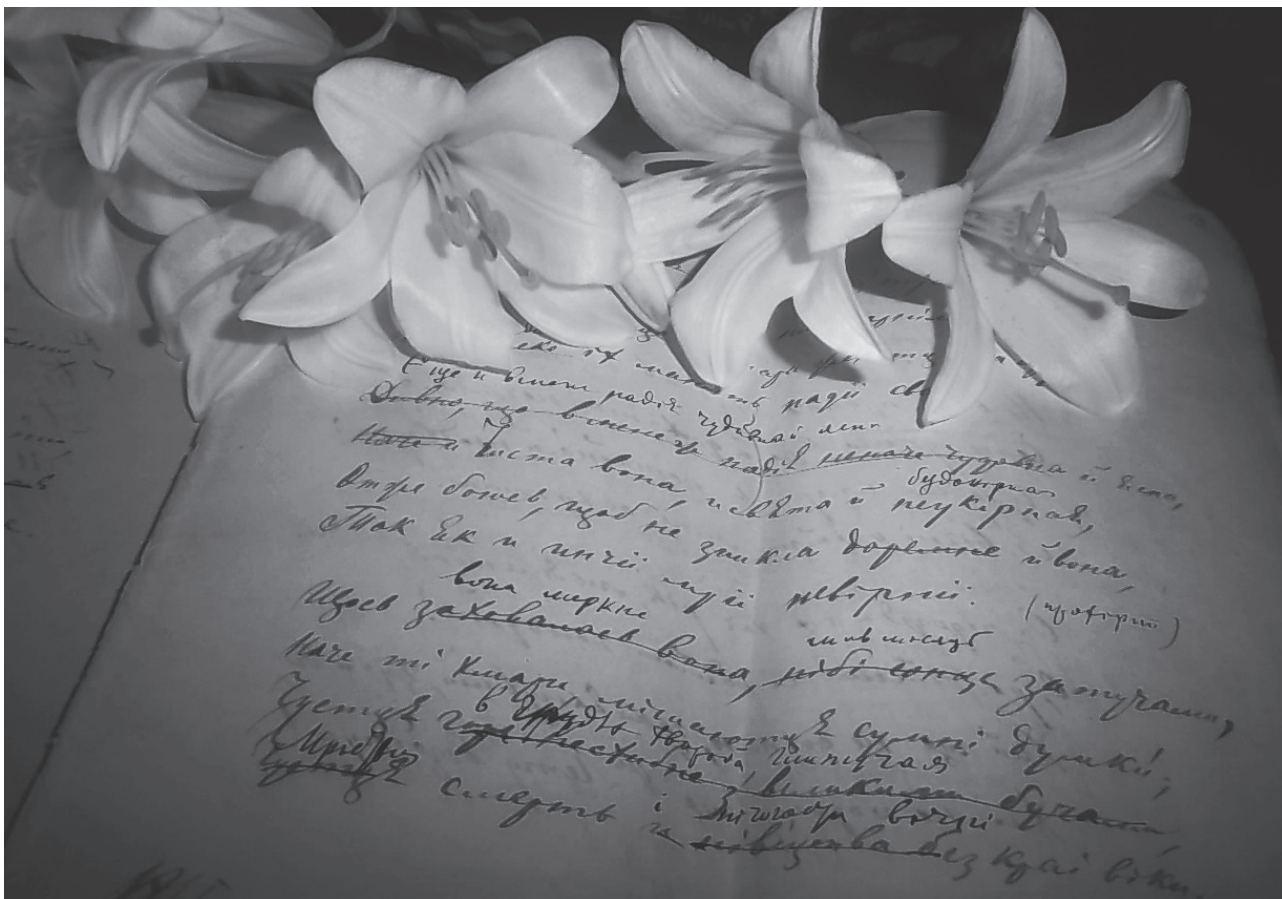
том, что они представляют собой самые ранние варианты его произведений с их последующей, более поздней, правкой и переработкой. То есть перед нами раскрывается поэтическая лаборатория писателя – так, как она эволюционировала на протяжении почти 30 лет.

И это не единственная причина говорить о событии сенсационном, исключительном по своей значимости. Когда-то О. Ф. Ставицкий в одном из писем к кубанскому краеведу В. Н. Орлу обмолвился, что находки, связанные с изучением творчества В. Мовы, сегодня чрезвычайно редки, отыскать хотя бы несколько неизвестных ранее строк поэта – сродни чуду. И вот такое чудо произошло! В обнаруженном нами сборнике содержатся, помимо вариантов ранее известных стихов, самое раннее из сохранившихся стихотворение «Русалка» (1862) – текст двадцатилетнего кубанского казачьего лирика, его ранняя неоконченная поэма «Хуторянка» и перевод третьей песни из «Слова о полку Игореве» (черновой вариант). Воистину, для кубанской литературы – находка столетия.

Кратко охарактеризуем найденный документ. Рукопись не озаглавлена. Это тетрадь формата 20x25 см, бумага нелинованная. В левом верхнем углу тиснение знака Фабрики Рейнерь, в правом верхнем углу на пяти листах выдавлено: Вас. Сем. Мова – т. е. бумага заказная, именная. Обычно поэт использовал ее при написании особо важных писем. Сходным образом он маркировал и почтовые конверты. В рукописи 46 целых листов, 47-й порван. Хранились листы сложенными пополам в длину. Обложка, если она была, не сохранилась. Оглавление тоже отсутствует, и, судя по тому, что на последних страницах текст поэмы «На степи!» только начат, но не окончен, рукопись дошла до нас не полностью.

Принадлежала рукопись Ванде Ивановне Петровой, большая часть трудовой жизни которой прошла на грозненских нефтепромыслах. Рассказывают, что она очень любила читать, имела неплохую библиотеку. Среди ее книг и документов долгое время и хранилась эта рукописная тетрадка. Ванда Ивановна умерла в 1989 году, а в 2000 году скончалась ее дочь; так что сегодня поведать какую-то достоверную информацию о происхождении рукописи и истории ее скитаний из рук в руки уже некому.

Как стихи В. Мовы попали к В. И. Петровой? Никто в ее роду к литературе и издательской деятельности не был причастен, кроме довольно близкого родственника со стороны мужа Ванды Ивановны – христианского писателя и религиозного проповедника Григория Спиридоновича Петрова (1866–1926), закончившего свои дни в Болгарии [16]. Родился Г. С. Петров под Санкт-Петербургом, воспитывался в духовных учебных заведениях северной столицы, последовательно окончив семинарию и академию. Здесь же довольно долго преподавал, по мере накопления знаний и опыта начал свою проповедническую деятельность. Со временем выпустил несколько сделанных его известным книг, а потом, вплоть до эмиг-

рации, разъезжал по России с чтением публичных лекций.

Он неоднократно бывал во всех значимых городах Северного Кавказа, включая Екатеринодар и Ростов, где проживали ближайшие потомки В. Мовы. Предположим, кто-то из них при встрече передал ему уникальную рукопись: возможно, на хранение, более вероятно – для передачи украинским культурным деятелям в Петербурге или Киеве. Могло случиться так, что просьбу эту он выполнить не успел.

Его единственный сын Григорий, воевавший в составе Добровольческой армии, погиб в мае 1919 года под Керчью. Покидая родину, писатель оставил свой архив и библиотеку на сохранение родственникам. Возможно, как раз среди его бумаг и находилась рукопись В. Мовы. В семье оставшихся на родине Петровых навсегда запомнили наказ: хранить ее как зеницу ока. Вот и Ванда Ивановна, покидая Грозный, вывезла оттуда с собой в Крым только свой юношеский альбом да сборник написанных на украинском языке стихов, уже и не помня, от кого исходил этот наказ и в чем заключена особая ценность доставшегося ей артефакта.

Признаем: версия шаткая. Но другой на сегодняшний день нет. Настоящая, долгая и кропотливая работа над рукописью только начинается

Литература, источники и комментарии

1. [Извещение Екатеринодарского окружного суда о смерти 1 июня 1891 г. В. С. Мовы] // Кубан-

ские областные ведомости. 1891. 15 июня. С. 3.

2. Уманець М. (Комаров М.). Василь Мова. Посмертна згадка // Зоря. 1891. № 14. С. 274–275.

3. [Скидан В. В.] Екатеринодар: Корреспонденции «Северного Кавказа» // Северный Кавказ (Ставрополь). 1891. 15 авг.

4. М. К[омаров]. Літературна спадщина після Василя Мови // Зоря. 1892. № 10. С. 199–200.

5. Чумаченко В. К. Личность В. С. Мовы (Лиманского) в мемуарах современников // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 2. С. 91.

6. Лукич В. Хроника // Зоря. 1896. № 11. С. 220.

7. Фр[анко] Ів. Из поетичної спадщини Василя Мови (В. Лиманського) // Літературно-науковий вістник. 1899. Т. 6. С. 247–254.

8. Мова В. (Лиманський). Старе гніздо й молоді птахи. Київ, 1990.

9. Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Ф. 77. № 24, 25.

10. Отдел рукописей Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького. Ф. 28/30. № 509.

11. Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. с приложением Записки С. Шарара Василию Мове // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1911.

12. Мова В. (Лиманський). Куліш, Байда і козаки. Інтермедія до драми П. Куліша «Байда» з додатком листа Василя Мови до Василя Гнилоширова і драми П. Куліша «Байда, князь Вишневецький» / супр. ст. і ред. Ю. Шевельова і В. Чумаченко. N. Y., 1995.

13. Рукопись передана на хранение в отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко сыном Павла Васильевича Мовы Сергеем.

14. После смерти внука писателя Юрия Павловича Мовы в начале 1930-х годов в ст-це Кушевской судьба словаря не известна.

15. *Кокунько П. И.* Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань // Вольное казачество (Прага). 1929. № 41–42. С. 18.

16. *Плема С. А.* Опальный лектор Григорий Спиридонович Петров // Донской временник. Ростов н/Д., 2005. С. 45–47.

**V. K. SHUMACHENKO, K. E. TARASOVA. V. S. MOVA'S (LIMANSKY) «CRIMEAN COPYBOOK»:
THE FIRST TEXTUAL READING**

The article gives textual characteristics of the manuscript of V. S. Mova's (Limansky) poetic works that were found in private archives in 2012.

Key words: V. S. Mova (Limansky), literary heritage, textual analysis.

V. S. MOVA

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В годовщину смерти Тараса Шевченко

Дорогая жинка,
И вы, мои дети,
У людей сегодня
Торжество на свете:
Там, в Руси Карпатской,
Законы другие,
Там с утра сегодня
По церквам звонили:
Ко святому храму
Людей призывают,
И все благовесту
С радостью внимают,
Служат панихиды,
Правят парастасы,
Об упокоенье
Нашего Тараса,
Который оплакал
Славную Руину,
Преданную панством
Неньку-Украину;
Того, кто поведал
Нам о ее доле, –
О неверной шляхте
В сраженьях за волю;
Кто призвал нас в лоно
Родного народа,
Написал на стяге
Равенство, свободу;
Кто держался крепко
За древко святое,
Вытерпев презренье,
Кару и неволю.
И умер с тем стягом,
Его не пуская,
И в правое дело
Веру сохраняя!
То пример нам, дети,
Мотора народа,
То пример великий
Рыцаря свободы!

Потому, ребята,
Люди его славят
И в церквах по нему
Панихиды правят.
Только мы сегодня
Не услышим пенье –
И на панихиды
Вышло запрещенье...

Дорогая жинка,
И вы, дети! С хаты
Мысленно летите
В родные Карпаты!
Там, в австрийском крае,
За нашей границей,
Люди все готовят
Сходки, вечерницы,
О делах народных
Будут совещаться,
Изъявлять желанья
Радостно общаться,
Читать будут смело
Рассказы на мове,
В песнях воспевая
И счастье, и горе.
Обсудивши чувства,
Мысли разделивши,
И на труд дальнейший
Силы укрепивши,
Разойдутся люди
В родные жилища,
Радостно принявши
Духовную пищу.
Только нам не вольно,
За порог ступая,
Открыть сердце правде,
Мысли выражая...

Дорогая жинка,
И вы, мои дети!
Как же этот праздник
Справим мы, ответьте!
Доведется дома